рассказ те зачатки психологического анализа, которые знакомы были читателю по религиозно-дидактической литературе. Так, в одном житийном жанре, представленном Киево-Печерским патериком, скрещиваются разные стилевые системы, определяющие своеобразную разработку в нем агиографической темы. Взаимодействие этих систем внесло особый оттенок в изображение и «стоящего высоко над повседневностью мира», и «жизни какая она есть».[48]

Именно в этих отступлениях от требований агиографического стиля мы наблюдаем отражение в Киево-Печерском патерике тех реалистических тенденций, которые уже отмечены в современных ему светских произведениях. В житиях, составляющих этот патерик, реалистические тенденции очень редко обнаруживаются в вымышленных деталях рассказа (таких, например, как в житии Моисея Угрина), но они явно выступают в выразительных описаниях того, что авторы сами видели или о чем слышали от свидетелей. Правдивые картинки жизни монастыря создаются с помощью умелого отбора деталей, внутренний мир не только главных героев, но иногда и окружающих их людей (например, князя Святополка) раскрывается так, что читателю становятся понятны психологические мотивы их поведения.[49]

Восстанавливая историю древнерусской художественной прозы, развитие и совершенствование в ней способов изображения человека, мы не можем не учитывать и опыт, накоплявшийся в обширной житийной литературе. Агиографический стиль этой литературы не застыл в том виде, в каком мы реконструируем его по памятникам старшего периода. Изменялись историческая обстановка и литературное окружение, в которых развивался житийный жанр, его агиографическая стилевая основа вступала в общение с иными, чем в Киевском периоде, системами, вносились новые оттенки в самую задачу создания «обобщенного воплощения добра». Впитывая опыт окружающей литературы и искусства, житийный жанр на каждом этапе и сам отдавал им какие-то свои достижения в области главным образом изображения внутреннего мира человека. Детальное изучение этого вклада житийного жанра в развитие русской художественной прозы несомненно углубит наше представление о той литературной почве, на которой выросла в XVII в. так называемая «бытовая» повесть, «повествовательная» живопись и искусство психологического портрета, даже скрытого под религиозной оболочкой.

---

[48] И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 78.

[49] В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.).— ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 5—35.